

Возможно, виной тому пасмурная погода, но миссис Палмер уснула прямо в своём кресле. Мистер Палмер опрокинул очередной стакан домашней клюквенной настойки и тоже задремал. Альфред, твердящий, что ему нужно возвращаться в клинику, в конце концов рухнул на стол.

В тот момент, когда Альфред заснул, раздался щелчок револьвера.

Гил достал из кармана оружие и направил его на Эдварда.

Розали отложила вилку и нож.

— Я должна была догадаться ещё тогда, когда увидела эту статью.

— ...Почему вы в меня целитесь? — Эдвард, сидевший напротив, кончиком пальца отодвинул направленное на него дуло. У него был озадаченный вид.

— Назови своё имя и род. И почему ты здесь?

— О чём это вы, мисс Эвенхарт? Вы уже знаете моё имя.

— Нет. Не знаю, кто ты, но ты не внук Палмеров. Все остальные спят, так что прекращай разыгрывать спектакль. Разве ты здесь не для того, чтобы поговорить со мной? Других вариантов у меня нет.

— Я действительно не понимаю, что вы имеете в виду...

— Едва переступив порог, я поняла, что что-то не так. Похоже, здесь больше вампиров, чем кажется...

— Правда? Моя бабушка нашла только того ребёнка, которого вы недавно видели. Других вампиров здесь нет.

Глаза Эдварда расширились. Розали шумно выдохнула.

— Мне бы хотелось мирно договориться.

Эдвард подпёр рукой подбородок и некоторое время сидел неподвижно, а затем улыбнулся Розали.

— В самом деле? Вы умеете договариваться?

— Если поговорим спокойно... возможно, мы сможем понять друг друга несмотря на то, что принадлежим к разным расам.

— Мисс Эвенхарт, вы говорите как идеалист.

— ...Мне часто об этом говорят.

— Однако дело касается людей и вампиров. Мирным путём здесь ничего не решишь, — Эдвард постучал пальцами по столу и слегка наклонил голову. — Но как вы узнали? Я ведь выгляжу точно как на фотографии.

— Если бы ты был настоящим Эдвардом, то сам открыл бы нам дверь, а не гладил кошку, устроившись на диване, пока старушка с ревматизмом хромала до двери.

— Ах, вот оно что. Никогда бы не подумал. Может, это меня и выдаёт... Да и откуда мне знать о таком? Я ведь никогда не жил вместе с людьми. Я их только ел.

Розали смотрела на Эдварда.

— Ты не станешь человеком, просто притворяясь им. Та статья... Ты кому-то заплатил, чтобы её опубликовали? Что ж, она была не совсем бесполезной, раз прямо сейчас перед нами вампир, изображающий человека.

Вампир, притворившийся Эдвардом, всё ещё был в его обличии, но его поведение резко переменялось.

Он вдруг расхохотался. А затем так же резко замолчал.

Он не ответил на вопросы Розали, но сказал кое-что другое:

— Знаешь, палачи всегда ведут себя так, будто мир вращается вокруг них. Ты шутишь или действительно страх потеряла? Что ты задумала?

— Просто я понимаю, что проявление уважения, к тому, кто слабее тебя — это не слабость.

Эдвард какое-то время молча смотрел на Розали.

— Я слышал о тебе, но информации было слишком мало. Мужчина ты или женщина? Какой у тебя рост? Как звучит голос?.. В итоге ты оказалась женщиной. Я знал о характерных чертах семьи Эвенхарт, но всё равно удивился, — глаза Эдварда сузились. — Девушка из семьи чародеев под защитой солнца. И вампир, скрывающийся в тени. Честно говоря, я не сразу

поверил.

— Сегодня ты увидел меня своими глазами, так что придётся поверить.

Затем словно из ниоткуда раздался глубокий низкий голос:

— Лукас, хватит этих игр.

— Дай мне ещё минуту. Моё терпение тоже не безграничное, — он снова улыбнулся. — Я Лукас. Приятно познакомиться, чародейка из семьи Эвенхарт.

— ...

Розали пристально посмотрела на человека с глазами Эдварда. Он до сих пор сохранял человеческий облик, но в его глазах ничего не отражалось. В них была только тьма.

— Зачем ты здесь?

— Причин много, но изначально я пришёл на охоту. В этой деревне полно сильных и здоровых людей.

— Если хотел крови, мог просто попросить. Ты ведь видел Альфреда, он с удовольствием поделился бы с тобой.

Лукас наколот на вилку кусочек пудинга.

— Но я ненавижу это, — он отправил кусочек пудинга в рот, прожевал его и проглотил. После этого он продолжил: — Смотри, ты можешь просто наслаждаться ужином. Люди любят сыр и сладости, верно? Я не знаю, какова эта гадость на вкус, но людям нравится. И иногда я задумываюсь: было бы неплохо тоже съесть что-то особенное. Когда вы убиваете кур или свиней, вы не спрашиваете у них разрешения и не чувствуете за это вину.

— Я знаю, что многие жалуются на то, что не могут питаться разнообразной кровью. Но ты ведь и сам знаешь, что это необходимо для сосуществования. Нельзя принуждать людей, которые не желают делиться своей кровью.

Была и другая причина.

Жажда крови вампира безгранична.

Причиной, по которой вампиров привязывали к одной семье и связывали контрактом, состояла

в том, чтобы обуздать их ненасытный аппетит.

Сотни лет опыта позволили семьям, заключившим контракт, понять: чем больше разной крови получал вампир, тем слабее становился его контроль над собой.

Лукас вертел в руке вилку и продолжал говорить, как будто ничего не слышал.

— Мне непонятно, почему мы вообще должны следовать правилам, которые нам диктуют палачи.

— Можешь не пытаться меня заговорить. Если будешь следовать правилам, мы сможем мирно сосуществовать. Если нет... то умрёшь. Мы оба знаем, что эту проблему нельзя решить иначе.

— У тебя такой сладкий голос, но твои слова жестоки.

— Если ты этого не понимаешь, то у меня нет другого выбора, Лукас. Твоё существование представляет опасность для окружающих.

— Неправда, — прошептал Лукас, наклонившись к Розали. — Ты так говоришь только потому, что в мире сейчас доминируют люди. Если бы доминировали вампиры, мы играли бы совсем по другим правилам, — несколько мгновений он пристально смотрел на Розали со смесью презрения и насмешки в глазах, а затем улыбнулся. — Ты так не думаешь?

— Такой мир возможен только если солнце никогда не взойдёт.

— Да? Будь проклято это небо. Зато тебя, кажется, вполне устраивает, что люди главенствуют над вампирами.

— Это не единственная причина, по которой палачи охотятся на вампиров. Вампиры, в отличие от людей, могут сколько угодно питаться человеческой кровью, при этом никого не убивая. А если вампир всё равно убивает, то как его можно назвать, если не убийцей?

— Ты действительно потрясающая. Я впервые так долго разговариваю с палачом.

— Мне часто доводилось разговаривать с вампирами.

— И?

— Почти всех их пришлось убить, потому что разговор так ни к чему и не привёл.

— Думаешь, у тебя хватит сил убить меня?

— Скоро мы это узнаем.

Лукас громко рассмеялся

— Тогда как насчёт предобеденной молитвы? Люди всегда молятся перед едой. Они говорят: «Спасибо за хлеб насущный», — склонившись над тарелкой с бараньим мясом и жареной спаржей. Это очень хорошая традиция. Я тоже помолюсь.

Он театрально вытянул руки и сложил их вместе, как будто издевался над Розали.

— О бог вампиров, который даровал мне этот хлеб насущный. Спасибо, что угощаешь вкусной едой — людьми, переполненными любовью, и палачами со сладким голосом.

— Если ты просто голоден, то я готова предложить тебе свою кровь.

Глаза Гила, всё ещё держащего пистолет наготове, дрогнули.

— Или я могу помочь тебе найти того, с кем можно заключить контракт.

— Мне не нужен контракт.

— Почему ты так категоричен? Разве это не высшее божье благословение — иметь возможность жить, не отнимая чужие жизни?

Лукас сделал удивлённое выражение лица.

— Впервые встречаю человека с таким образом мышления. Кажется, я влюбился. Никогда не испытывал подобных чувств к еде, — он ненадолго замолчал, как будто о чём-то сожалел.

— Чем дольше слушаю вас двоих, тем больше вы раздражаете.

— Зато мне очень нравится этот разговор, — глаза Лукаса сузились ещё больше.

Розали снова открыла рот, одновременно пытаясь понять, откуда доносился голос, который она только что услышала.

— Проблема не в том, что вампиры пьют кровь. По крайней мере, так я думаю.

— Тогда в чём же заключается проблема? Поведай мне.

— Проблема в том, что вы получаете удовольствие от убийств.

— Потому что так вкуснее. К тому же многие животные поступают точно так же. Какого чёрта мы единственные, у кого постоянно возникают проблемы из-за этого?

— Значит, тебя устраивает образ жизни зверей? Ты считаешь себя животным?

— Вы, люди, сами постоянно называете нас монстрами...

— Но кем ты сам считаешь себя?

Казалось, на мгновение Лукас погрузился в размышления.

Розали продолжила:

— Разве не лучше попытаться найти другой, более правильный способ сосуществовать?

— Это абсурд. В конечном итоге только люди решают, какой из вариантов более правильный. Ненавижу это. Люди слабее нас. Почему я должен их слушать?

— ...Тогда мы не сможем дальше дружить.

Наступило недолгое молчание.

— Верно. Всё так. Ты не можешь быть одновременно и другом, и едой. Только чокнутый вампир пойдёт на такое, — Лукас бросил свирепый взгляд на Гила. — Или предатель, подло переметнувшийся на сторону людей.

Он схватился за направленный на него ствол пистолета.